

*И вновь и вновь заходит ветер — сила,
Времён минувших слышен перезвон.
Земля моя, ещё ты не остыла
От бесконечных всполохов и войн.
И осознает всяк на ней живущий,
В свою ли честь устраивая пир:
Как сотни поколений предыдущих,
Теперь явились мы с тобою в мир.
Меж Воскресенской и Каменнобродской,
Притиснутый, зажатый с двух сторон,
Напоминая смуглого подростка,
Находится мой хутор. Это он!
Название его — Камышеваха,
Название, принесённое извне
Переселенцами с Украины.
Жизнь — не сахар.
Ну как ты будешь жить по старине?
Землянки рыли и терны корнали,
На новом месте лили сто потов.
В семью казачью нас не принимали,
Безродных, безлошадных, без портов,
Умеющих горилку пить, молиться,
Бросаться врукопашную: «Ура!»
В станице не могли мы поселиться.
Вот так и возникали хутора.
Переселенцы Муррома и Дона,
Переселенцам всем Россия — мать.
Явились вы сюда какого звона?
Как думаете зимы зимовать?*

Да как придётся — переселим зимы.
Во поле диком, в дымке голубой,
С очередною партией гонимых,
Вдруг появился здесь родитель мой.
Такой же, как и все, переселенец
И неправдоподобно молодой.
Он не носил, наверно, оселедец,
Но приглянулся девушке одной,
Из Воскресенки роговой казачке.
Куда смотрели только казаки?!
А может, и досталось на кулачках
Родителю от парубков таки?..
А может быть, подверглись те аресту?
Шёл тридцать пятый — год-то был какой!
Ну, словом, парень умыкнул невесту,
В традициях исконных казаков.
Уверен, что их в церкви не венчали,
Венчал их в поле ветер ледяной.
Не знаю, как уж там они встречались,
Но стали они мужем и женой.
Передаю рассказ отца дословно,
Прибегнув в целом к ритмике стихов.
Ну вот и все детали родословной,
За исключением маленьких штрихов.
Кубань моя, признай во мне ты сына,
Чтоб я, как тень, бесследно не исчез:
Одна во мне — казачья половина,
Другая половина — тёмный лес!

Почувствуешь в свой час божественные чары,
Не отводи лица, не говори: полон!
Среди седых вершин исходит свет из чаши,
Необъяснимый свет, загадочный, как сон.
И всё вокруг тебя пустынно и нетленно.
Измерить глубину невозмутимых вод.
Свет этот молодой принадлежит Вселенной...
Космический корабль в твоих руках, пилот!

Туман клубится и клубится. Лира
Звучит вдаль, захватывая слух.
Повсюду торжествует Дух над миром.
Травы грожащей лечит свет испуг.
И, подчиняясь всеохватной силе,
Пространственные слыша голоса,
Испуг свет вылил — так его учили...
Осталась только на траве роса.

Со мною багаж мой особый,
Ругай не ругай ты меня,
Полёт продолжается к солнцу
До самого смертного дня.
У каждого способ особый
И пара стремительных крыл.
Полёт продолжается, кто бы
И что бы ни говорил!

И поле ржаное, и речка,
И вся эта синяя рать —
Посмотришь вокруг — бесконечность!
Не в силах что-либо сказать.
И сердце наполнится новью,
Замрёт беспокойная кровь.
Стоишь, оглушённый любовью,
Среди этих звёздных миров.

Летучие гиады,
Ветрам наперекор,
В Тирренское сползают
Монбланы облаков.
Как будто мир в прострации.
Согружества немь.
Стремимся гравитацией
Себя исправить мы.

Мы ищем Атлантиду,
Друзья Экзюпери,
Всегда, везде, по типу:
Что ни есть — бери!
Далёко видит око!
Вся наша жизнь — экстрим.
Без страха и упрёка
Не знаем, что творим.